

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ, ПРИМЕНЯЕМОМ В ХОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

The article is devoted to considering problems of using linguistic terminology in political discourse.

Вопрос о том, достаточно ли применение общенаучных подходов и знаний о приоритетах его участников при анализе политического дискурса и политического диалога является проблематичным. С одной стороны, важно в таком случае учитывать цели исследования. Вместе с тем стало совершенно очевидно, что нестандартный подход к анализу политического материала способен подчас дать неожиданный результат и быть чрезвычайно продуктивным. Кроме того, подходы, связанные, например, с дискурс-анализом столь прочно заняли свое место в структуре политической науки, что не считаются более чем-то привнесенным в полном смысле этого слова.

В этой связи можно смело утверждать, что анализ конкретно-исторической ситуации, выдвигающий особые требования к глубине проработки исследуемых данных, должен базироваться на методах, позволяющих этому требованию соответствовать. Составляющей любой конкретно-исторической ситуации является языковая практика, использование речи ее участниками, каковая и выступает в большинстве случаев единственным источником информации, содержащим суть исследуемого.

Одной из ключевых точек приложения анализа в таком случае выступает лингвистический инструментарий – речевые манипуляции, риторические фигуры, дискурсивные стратегии и т. д., используемый субъектами – участниками ситуации. В данной статье рассматриваются некоторые виды указанных языковых манипуляций, при этом внимание фиксируется не только на содержании и функциях последних, но также совершается попытка рассмотреть онтологические основания подобных явлений.

Для успешного решения поставленной задачи необходимо, прежде всего, привести ряд методологических предпосылок, позволяющих провести глубинный анализ манипулятивного словоупотребления. Первая проблема, заслуживающая в этой связи внимания, характеризуется существованием оппозиции «недискретность мира – дискретность языка».

Оставив за рамками данного исследования подробную характеристику указанного отношения, следует несколько подробнее остановиться на вопросе о том, каким образом участники ситуации воспринимают актуальный для

них срез конкретной социальной действительности.

Автор данной статьи придерживается точки зрения, представленной в философии М. Хайдеггера и работах ряда представителей лингвистической науки. Данная точка зрения помогает совершить важный шаг в решении указанного выше отношения мира и языка. Согласно ей, любое понимание, истолкование и предикация являются процедурами «конкретизации», ситуационного «высвечивания» изначально целиком схваченной в естественном опыте человека реальности. При этом не столь существенно, идет ли речь о природном мире или социальной действительности. Причем выраженное в высказывании истолкование является зачастую единственным свидетельством того, что то или иное понимание, актуальное именно для того момента, «здесь и сейчас», было наличным, поскольку всякое эксплицитное выражение исторично и временно в силу своей производности. «Даже если она (ситуация – прим. авт.) прошла через эксплицитное истолкование, она вновь возвращается в неотличенное уразумение» [1]. Экпликация, предикация, категоризация вырастают прежде всего из естественного опыта *Dasein*, являющегося результатом вовлеченности в повседневную практическую деятельность, «растворения» среди внутримирно сущего, взаимодействия с подручным посредством практического усвоения его «для-чего». Ключевыми характеристиками естественного опыта являются: его непосредственность, не требующая его специальной инициации; самопонятность, т. е. изначальная наделенность смыслом (не предполагающая, впрочем, метафизической составляющей); неприметность: «...самое естественное и непосредственное бытие-в-мире как раз таки исключает тематический опыт мира» [2]. Наконец, еще одной важной характеристикой естественного опыта является его нерелексивность: выделение «я» из собственной растворенности в мире, из «некто» фундировано естественным опытом, а не составляет его часть. Описанные характеристики естественного опыта влияют и на характер производного от него понимания: «истолкование каждый раз основывается на некоей предусмотрительности, которая все то, что предпринято в преднамерении, подгоняет в направлении какой-либо определенной истолковываемости» [1]. При этом на концеп-

туальном уровне любые уточнения и конкретизации значительно сужают степень охвата явления, подчеркивая одни черты и затемняя другие. Таким образом, из всего вышесказанного вытекают важные, но противоречивые следствия, важные для характеристики ситуации с точки зрения упомянутой выше оппозиции «недискретности – дискретности».

Во-первых, ситуация является именно тем «миром», в котором «растворены» ее участники, который они схватывают в естественном опыте, и фундированные последним аналитическое и идеативное усвоение разрушают его целокупность.

Во-вторых, тот факт, что «базовые экспериментальные структуры свободны от воздействия понятий», [3] не означает отсутствия обратной связи, и можно смело утверждать, что использование в языке некоторых «технических» средств определяется с функциональной точки зрения стремлением «вернуться» к недискретности и преодолеть, хотя бы частично собственную узкую сфокусированность.

Наконец, еще одним важным следствием подобного положения вещей является принципиальное отсутствие бесконтекстных высказываний нерелевантных наличной ситуации. Последнее утверждение не затрагивает вопрос релевантности в отношении собственно пропозиционального содержания высказанного.

Не менее важной в производстве языковых эффектов является идея о т. н. «коммуникативном существовании». Речь идет о постулировании бытия как совместного по своей сути, события с Другим. Другой при таком подходе является, с одной стороны, частью имеющегося в наличии мира, встречается из него и, соответственно, будучи постигнут в повседневном естественном опыте, есть «всегда уже здесь». Более того, каждый из коммуникативных партнеров не только является «значащим для другого», но и обусловлен Другим. Каждое коммуникативное действие является публичным. И уже исходя из этого задача отражения присутствия Другого в дискретности языка решается в зависимости от роли и значимости его в конкретной ситуации: Другой может выступать и как подвижное, деятельное начало, и как «персонифицированное обстоятельство».

Вместе с тем отношения Dasein и Другого не ограничиваются простым взаимным наличием, для них характерна также глубинная динамика.

Ключевым для характеристики сути этой динамики является понятие усредненности. В повседневном бытии-с-Другим усредненность выступает в роли своеобразного аттрактора, порождая достаточно сложный по содержанию

процесс. Ориентация на Среднего характерна для способа бытия, именуемого Хайдеггером уравниванием. Усредненность является мерилем, на которое ориентируется повседневное бытие-с-Другим, «...люди держатся фактически и усредненности того, что подобает, что считается значимым, а что нет... Эта срединность, намечая то, что можно и должно, следит за всяким выбивающимся исключением» [2]. Со строго социальной точки зрения, касающейся отношений в обществе, эта позиция объяснима тем, что «люди открыли для себя, что проще подстраивать свое поведение под более или менее устоявшиеся формы, за которые никто конкретно не отвечает, природа которых никому не ясна» [4].

Вместе с тем важно отметить, что процесс усреднения не следует понимать как сугубо упрощающий. Вероятно, с ним можно увязывать и тенденцию к компрессии языка, описанную С. Ю. Семеновой, и существование категориального аппарата, т. н. базового уровня, прототипические эффекты Э. Рош, метафоризацию языка (Лакофф), целый ряд сугубо риторических манипуляций и т. д. Однако по сути своей описанные явления носят скорее внеязыковой характер и могут быть представлены в речи достаточно сложным образом. С упрощением связаны, скорее, способы ведения бытия-с, к которым Хайдеггер относит такие явления, как «болтовня» (в другом переводе – «толки» или «молва»), любопытство и двусмысленность. «Болтовня» выступает как форма прежде всего повседневного речевого взаимодействия Dasein как «некто» с Другими при четко выраженной ориентации на усредненность. Отличительной особенностью «болтовни» является заложенное в ней готовое истолкование, не требующее дополнительных усилий в усвоении для себя понятого. Фактически такая форма коммуникации является самодостаточной и осуществляется для того, чтобы осуществляться, наполняя повседневное бытие мнимой определенностью. Любопытство представляет собой родственное «болтовне» явление, смысл которого заключается в том, что оно «...аппрезентирует ту или иную вещь исключительно для того, чтобы ее увидеть» [2], без последующей «работы» с ней. Феномен же двусмысленности связан с нивелированием значения подлинного понимания в бытии-друг-с-другом, при этом не столь существенно, действительно ли истинным пониманием оперирует индивид, отражает ли оно реальное положение вещей или выдвигает суждение о том, чего еще не существует.

Характеристика описанных выше явлений нуждается в достаточно важных оговорках. Во-

первых, не следует понимать «болтовню», «двусмысленность» и «любопытство», равно как и усредненность, в обыденном и даже уничижительном смысле. Указанные модусы являются способом повседневного существования индивида в мире и ситуации, и именно их проявления составляют основную массу анализируемого материала. Во-вторых, содержание каждого из этих проявлений несет в себе определенный повседневно-бытийный смысл, значимый для обыденной деятельности, социального существования и т. д. Что касается политического дискурса, то, по мнению автора, «болтовня», «любопытство» и «двусмысленность» составляют его основу, являя собой пример ризомической, по сути, коммуникации, а глубинные, экзистенциальные модусы представлены, скорее, опосредованно.

Коррелятом процесса ориентации на Среднего является феномен дистанцирования, который заключается в стремлении не допустить асимметрии в пользу усредненности и «отстоять» независимость своего «я» в отношениях с Другими. Дистанцирование заложено уже в самом понятии «Другой», подчеркивающим отличие от последнего, оно тесно связано с выделением самости из «некто», уклонением его от выравнивания.

Таким образом, представляется целесообразным при анализе лингвистического инструментария учитывать два динамических показателя, играющих значительную роль в осуществлении политического диалога.

Речь идет, во-первых, о взаимодействии недискретности мира и дискретности языка, которые, исходя из целей, стратегии, фантазий, желаний и эмоций участников коммуникации различным образом обыгрываются в речи.

Во-вторых, важным показателем является сложный по составу динамический феномен, связанный со взаимодействием «я», «некто», «Другого» в процессе усреднения, выравнивания, дистанцирования.

В обоих случаях особую специфику речевому взаимодействию придает тот факт, что в процессе коммуникации та совокупность «замкнутых», достаточно жестко синтаксически структурированных фраз, которая внешне представляет собой политический диалог, покоится на достаточно зыбкой, постоянно находящейся в движении внеязыковой основе, придающей многоуровневость и скрытую динамику любой видимой определенности.

Лишний раз проиллюстрировать данный тезис можно, рассмотрев ситуацию с точки зрения проблемы многомерности человеческого «я», постулируемой психоанализом. Не вдаваясь в рамках данной публикации в глубинный

анализ указанного вопроса, а также в описание точек соприкосновения фрейдистского подхода и идей Хайдеггера (чему посвящено целое научное направление – Dasein-анализ), следует остановиться на некоторых моментах, важных с точки зрения некоторых особенностей определяемых ими речевых манипуляций.

Необходимо заметить, что индивид никогда не идентифицирует себя с Id, бессознательным. Вместе с тем содержание бессознательного оказывает чрезвычайно важное влияние на процессы мышления, поведение и речевую деятельность. Существование целого набора защитных механизмов «я», направленных против разрушающего его содержания тех или иных психологических процессов (в первую очередь, вытеснение, рационализация, отрицание, регрессия и реактивные образования), диктует определенный способ ориентации и поведения в конкретной ситуации. Совокупность этих механизмов взаимодействия «я» и Id в той или иной степени проявляется в языке.

Помимо защитных механизмов, важную роль во взаимодействии языка и бессознательного играют две динамические характеристики, представляющие собой первичные процессы бессознательного – «смещение» и «сгущение», связанные с трансформацией элементов содержания. Сам Фрейд связывал упомянутые феномены исключительно с работой сновидения, которое представляет собой пиковый момент асимметрии психического аппарата в пользу бессознательного. Однако при внимательном рассмотрении становится очевидным, что, поскольку «сгущение» и «смещение», как, впрочем, и превращение мыслей в зрительные образы, являются атрибутами работы именно бессознательного, а не только сновидения, то при определенных оговорках эти процессы свойственны повседневному мышлению и находят четкое отражение в языке.

С точки зрения социальности коммуникации большое значение имеет вопрос о конкретных формах взаимодействия индивида и социальной группы, в рамках которой и от лица которой он осуществляет свою деятельность. Группа выступает для индивида как пространство, на которое возможно вытеснение противоречивых чувств с приданием им публичности. При этом становится возможным «осуществлять подавленные желания, гнев и запреты» [5]. На уровне группы индивид использует те же защитные механизмы, что и в индивидуальной жизни, но при этом способы их проявления носят более постоянный, унифицированный и упрощенный характер. Кроме того, они во многом более эффективны. В данной ситуации индивид решает для себя ту же задачу, что и в

случаях с модусами «болтовни», двусмысленности и любопытства – задачу облегчения собственного существования в мире.

Немаловажным при этом является тот факт, что, как отмечает Л. Де Мосс, групповые фантазии на протяжении определенного времени должны быть сформированы в публичном общении, причем в языке они выражаются не явно, а посредством разного рода манипулятивных действий, «зашифрованного языка» (метафоры, экспрессивные выражения, «язык тела» и т. д.).

Широко проиллюстрировать описанные механизмы позволяет понятие метафоры. Причем под метафорой в данном случае понимается не поэтический прием, а широко распространенное свойство человеческого мышления и языка, когда сущность одного вида переживается в терминах сущности другого.

Метафора представляет собой возникший в дискретном мире языка фрагмент недискретной реальности. Причем речь идет не о собственно предметном мире, а, скорее, о схваченной в повседневном опыте целостности ситуации, отраженной в языковом плане. С другой стороны, метафора является также языковым воплощением феномена «сгущения», когда элементы бессознательного замещают друг друга, объединяются в одно целое, акцентируя внимание на ключевых аспектах явления.

Метафора не может существовать и не существует внутри контекста. Все перечисленные ее особенности особым образом проявляются в функциональном плане. Для метафоры характерны неограниченное множество и непредсказуемость следствий, особая важность потенциала вывода, а не следствий, тесная связь с образной сферой и визуальным рядом, внутренняя противоречивость метафоры. Близким к метафоре понятием является

метонимия – языковым аналог смещения. Она связана с переносом некоего содержания в иной контекст.

Таким образом, глубинный анализ лингвистического инструментария, применяемого в политическом дискурсе, сталкивается с необходимостью дополнительного исследования данных с применением ряда динамических показателей. Указанная динамика выявляется в ходе рассмотрения внутреннего движения текста дискурса, заключающегося в циркулировании смысла, интенций, идентификаций, психологических процессов между полюсами ряда оппозиций: недискретность – дискретность, симметрия – асимметрия, синхронность – асинхронность, ритмичность – аритмичность, инициальность – реактивность, повторяемость – уникальность и др.

В частности, последняя из указанных оппозиций тесно связана с проблемой символизации и знаковости элементов опыта, когда некая повторяющаяся в поведении и языке структура является заместителем какого-то другого, чаще вытесненного, аффективного процесса.

Литература

1. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
3. Lakoff G, Johnson M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press, Chicago, London, 1980.
4. Sapir E. – The unconscious patterning of behavior in society. – In: The unconscious: a symposium. – N. Y.: Knopf, 1927. – P. 114–142.
5. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого я // З. Фрейд. Психоаналитические этюды. – Мн.: ООО «Попурри», 2001.